

Правовые культуры в сравнении: о развитии права в Европе, Китае, исламском мире и России

Тоби
Хафф

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье выдвигается тезис о том, что изучение правовых систем в *сравнительно-правовом* контексте выявляет характерные наборы встроенных в них культурных ценностей – правовую культуру, которая определяет конфигурацию правовой сферы на поколения вперед¹. Я полагаю, что правовая культура воздействует среди прочего на уровень доверия в социуме, предрасположенность общества к демократии либо автократии, легкость ведения бизнеса и так далее. В процессе заявленного сопоставления мы детально рассмотрим различия между правовыми системами и заложенными в них ценностями.

Нет необходимости в очередной раз доказывать, что и в наши дни, и в прошлом право неизменно оставалось фактором, заметно влияющим на общество. Очевидно, что современные правовые инновации затрагивают широчайший спектр сфер жизни. Юридические нормы позитивно или негативно регулируют даже самые незаметные аспекты повседневности: что можно есть, какие лекарства допустимо принимать, как заключить или расторгнуть брак. Но, разумеется, помимо правовых предписаний, наше поведение в значительной мере определяется традициями и привычками.

На Западе право регулировало процедуры наследования и обращение с частной собственностью. Оно наделило корпорации статусом юридического лица, защитило авторское право и интеллектуальную собственность. Установленные западным правом рамки во многом определили публичную сферу как нейтральное пространство, в котором зародились свобода печати и свобода научного поиска (исторически первыми к этой свободе приобщились университеты). Те же рамки способст-

Тоби Хафф (р. 1942) – исследователь истории и социологии науки, сотрудник факультета астрономии Гарвардского университета (Кембридж, штат Массачусетс, США).

1 Подробнее об этом см.: COTTERELL R. *The Concept of Legal Culture* // NELKEN D. (Ed.). *Comparing Legal Cultures*. Aldershot: Dartmouth, 1997; NELKEN D. *Rethinking Legal Culture* // FREEMAN M. (Ed.). *Law and Society*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 200–224; NELKEN D. *Comparative Research and Legal Culture: Facts, Approaches, and Values* // *The Annual Review of Law and Social Science*. 2016. Vol. 12. № 1. P. 45–62.

вовали становлению парламентского правления, демократических процедур и конституционализма. Правовые культуры иных регионов мира, напротив, не затрагивали перечисленные аспекты жизни, практики отправления власти и реализации уважающей человека правовой процедуры – или же как минимум не уделяли им столь же пристального внимания. В свете сказанного исследование того, как правовые системы развивались в компаративистском и цивилизационном контексте, представляется весьма полезным.

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВОВАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Социологические исследования, в которых сравниваются правовые системы, утверждали себя медленно, несмотря на новаторские наработки, оставленные столетие назад Максом Вебером в неоконченном труде «Условия развития права»². Немецкий ученый писал о важности сравнительных исследований, предметом которых выступают в корне различные правовые системы – в частности, римская, европейская, исламская, китайская, иудейская и персидская. По мнению Вебера, на рубеже XIX и XX веков далеко не все системы пребывали в состоянии конвергенции; действительно, даже в наши дни некоторые из них – например, российская – заметно отличаются от остальных. Последствия дивергенции правовых систем для экономики, политики и науки казались Веберу не полностью оцененными и не до конца изученными. Однако ранняя кончина вкупе с иными причинами так и не позволили ему завершить задуманную работу³.

Как бы то ни было, основным объектом социологического анализа, предпринятого Вебером в области юриспруденции, стали условия развития права. Его интересовала эволюция правовых систем и заложенных в них идей в ее взаимосвязи с политикой, экономикой, религией и так далее, а также пути возникновения более совершенных правовых концепций. Веберовский анализ предваряется сопоставлением примеров из правовых контекстов различных эпох и цивилизаций. Результаты даже поверхностного сравнения выбранных примеров указывали на слабую конвергенцию общемирового развития права с развитием права в Европе, несмотря на наличие встречающихся иногда некоторых общих черт и тенденций. Опираясь на эти наблюдения, Вебер писал об уникальности развития

2 См.: WEBER M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Rechts* // IDEM. *Gesamtausgabe*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. Bd. I/22–23. Большинство работ Вебера о праве были написаны в 1906–1913 годах.

3 См.: HUFF T. *Max Weber's Comparative and Historical Sociology of Law: The Developmental Conditions of Law* // SICCA A. (Ed.). *Handbook of Max Weber Studies*. Abingdon: Routledge, 2021. P. XXX.

западного права, объясняя ее *рационализацией*, в ходе которой правовые системы европейских государств стали более когерентными, компактными и логичными⁴. Заключительной стадией этой эволюции Вебер называл формализованный процесс *кодификации*, в ходе которого правовые идеи и отношения обретали вид «кодексов, закрытых от смешения с неюридическими элементами, в том числе дидактического и нравоучительно-го толка, и избавленных от иной казуистики»⁵. Кодификация стала уникальной чертой правового развития европейских государств, отсутствовавшей в иных культурах. Наиболее ярко она воплотилась в Кодексе Наполеона 1804 года, к которому впоследствии часто обращались создатели немецких конституций и – в гораздо более осторожно – российские реформаторы XIX столетия⁶. Исламское право, наоборот, представляет собой собрание метафорически сформулированных правил, наставлений и пророчеств, закрытое для кодификации и систематизации по европейской модели⁷. Что же касается так называемых «классических китайских кодексов», то они тоже не могут считаться результатом какой-то целенаправленной систематизации – это просто перечисления преступлений и наказаний вперемежку с указами правителей, которые корректировались и заново утверждались каждой новой династией⁸.

Работая с этими примерами, Вебер выявил множество правовых конструкций, уникальных для Европы. Среди них, например, конструкция юридического лица, существующего автономно от своего создателя, – юридическая фикция, обусловившая появление корпораций. Юридические лица со временем нашли применение в самых разных экономических и политических контекстах, поскольку эта сущность несет в себе мощный потенциал для развития самоуправления, экономических и конституционных преобразований, государственного строительства.

4 Подробнее см.: WEBER M. *On Law in Economy and Society*. New York: Simon and Schuster, 1954.

5 ИДЕМ. *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 865.

6 О развитии права в России см., в частности: HAMMER D.P. *Russia and the Roman Law* // *American and Slavic East European Review*. 1957. Vol. 16. P. 1–13; FELDBRUGGE F. *Law in Medieval Russia*. Boston; Leiden: Brill, 2009; ИДЕМ. *A History of Russian Law: From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649*. Boston; Leiden: Brill, 2019; PIPES R. *Russia under Old Regime*. New York: Charles Scribner's Sons, 1974. Ch. 11 (рус. перев.: ПАЙПС Р. *Россия при старом режиме*. М.: Независимая газета, 1993. – Примеч. ред.); WORTMAN R.S. *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago: University of Chicago Press, 1976. Ch. 9 (рус. перев.: УОРТМАН Р.С. *Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России*. М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Примеч. ред.).

7 Наряду с прочими источниками см.: MAYER A.E. *The Shari'ah: A Methodology or a Body of Substantive Rules?* // HEER N. (Ed.). *Islamic Law and Jurisprudence*. Seattle: University of Washington Press, 1990. P. 177–198. Более подробно о расхождении между исламским и европейским правом я пишу в: HUFF T. *The Rise of Early Modern Science: Islam, China and the West*. New York: Cambridge University Press, 2017. Ch. 4.

8 BODDE D., MORRIS C. *Law in Imperial China*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1973; BODDE D. *Basic Concepts of Chinese Law: The Genesis and Evolution of Legal Thought in Traditional China* // ИДЕМ. *Essays on Chinese Civilization*. Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 171–194; YONGLIN J. (Ed.). *The Great Ming Code*. Seattle: University of Washington Press, 2013.

За пределами европейской правовой системы подобный субъект права отсутствовал: в российском, китайском и исламском мире корпорации появились лишь в XX веке⁹. На сегодняшний день наука еще не до конца выявила и оценила возможности и препятствия для политического, экономического и культурного развития, обусловленные появлением (или же отсутствием) новых правовых конструкций¹⁰.

ПРАВО И РЕВОЛЮЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Желая вернуться к наработкам Вебера и его исследовательской повестке, я хотел бы сравнительным образом проследить развитие четырех правовых культур – европейской, исламской, китайской и российской – начиная с позднего Средневековья и до конца XIX столетия. Далее, чтобы привнести в исследование элемент научной новизны, я предложу оригинальный тип компаративного анализа. Намечаемое сопоставление позволит выявить сильные и слабые стороны альтернативных правовых моделей и воззрений на юридические процессы и организации.

Следуя описанному подходу, целесообразно обрисовать эволюцию права в Европе в Средние века и позже таким образом, чтобы полученная схема послужила эвристическим каркасом для сравнительного исследования. Изменения, начавшиеся в европейском праве в Средние века, не только были революционными по своему содержанию и результату, но и определили пути развития, по которым право продолжает двигаться сегодня. Прорыв стал возможен благодаря смешению римского права с установлениями европейских религиозно-этических систем, в результате которого сформировались каноническое право и основы современной западной юриспруденции, а также производная от них новая правовая культура. Иначе говоря, европейское право предстает перед нами в качестве уникальной модели, так и эвристического образца целенаправленной консолидации римского права, местных обычаев и предписаний христианства. В указанном отношении оно отличается от исламского или китайского права, поскольку эти модели не допускали смешения с нормами иных систем.

Изучая европейский опыт, мы видим, как средневековые ученые и юристы шаг за шагом выстраивали такую траекторию

9 HAMMER D.P. *Op. cit.* P. 10.

10 Попытки прояснить эти вопросы предпринимались в следующих публикациях: MA D., ZANDEN J.L. VAN (Eds.). *Law and Long-Term Economic Change: A Eurasian Perspective*. Stanford: Stanford University Press, 2011; MOMMSEN W.J., MOOR J.A. DE (Eds.). *European Expansion and Law: The Encounter of European and Indigenous Law in 19th and 20th-century Africa and Asia*. New York: Berg, 1992.

развития права, следование которой в итоге привело к обособлению Запада от остального мира. Эвристическая природа этого пути и сопутствующие ему важные правовые прорывы открывают перед нами блестящие перспективы сопоставления, причем как правовых систем, так и самих обществ, которые занимались их разработкой и внедрением. У избравших эту дорогу европейцев появилась уникальная возможность подвести правовую основу под процессы политического и экономического развития. Представляемая мной схема способна послужить исследовательской программой, позволяющей переосмыслить суть многих значимых компонентов правовой системы, а также то, как они содействовали или препятствовали политико-экономическому развитию государств в контекстах четырех названных правовых культур.

ТОБИ ХАФФ
ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ
В СРАВНЕНИИ...

Изменения, начавшиеся в европейском праве в Средние века, не только были революционными по своему содержанию и результату, но и определили пути развития, по которым право продолжает двигаться сегодня.

Европейское право издавна уделяло пристальное внимание следованию надлежащей правовой процедуре и поиску механизмов справедливого разрешения судебных споров при соблюдении действующего законодательства. Очевидно, что из сопоставления культурных паттернов могут рождаться альтернативные представления о регулировании брачных отношений, собственности, уголовных наказаний и тому подобного, но исследователи, сосредоточенные на правовых материалах, четко осознают, что отправление правосудия невозможно без стандартизации процессуальных норм – то есть без установления исправно функционирующей и полностью прозрачной правовой процедуры, регулирующей судебное правоприменение существующих законов. Ввиду этого я помещаю в центр своих изысканий именно надлежащую процедуру, усматривая в ней эвристически ценный объект сравнительного анализа.

По-видимому, изучение правового развития Европы целесообразно начать со Средневековья – с рецепции римского права. При таком подходе из сферы нашего анализа выпадают исламское и китайское право, поскольку эти системы рецепция не затронула. Зато в общеевропейском масштабе обращает на себя внимание контраст между интенсивностью процесса рецепции в Западной Европе и почти полным ее отсутствием

в России. Как известно, последствия запоздалой и избирательной рецепции, все же начавшейся в Российской империи столетия спустя, фундаментально сказались на последующем политическом и правовом развитии этой страны.

ИЗБРАННЫЕ ЭТАПЫ И РАСХОЖДЕНИЕ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ПРАВА

Около 1000 года возрождавшаяся на юге торговля начала распространяться и на северные регионы Европы. Ей сопутствовало появление ярмарок, городов и поселений. В то же самое время стремительный рост деловой активности наблюдался и в северных ганзейских городах во главе с Гамбургом, откуда коммерция распространялась на юг и на восток Европы¹¹. Но прежде, чем коснуться последствий этих процессов, нам надо остановиться на некоторых значимых событиях в истории права, произошедших ранее.

В начале VI века император Юстиниан поручил своим правоведам радикально сократить и консолидировать римские законы – в частности, свести к минимуму сопровождавшие их бесконечные комментарии судей и ученых. Результатом этой работы стал Кодекс Юстиниана (*Corpus Juris Civilis*) – свод гражданского права, действие которого по воле его создателя в 529 году распространилось на всю империю. На территории бывшей Западной Римской империи Кодекс не прижился и к нему не обращались вплоть до 1070 года. Последующее возрождение Кодекса Юстиниана, начавшееся в XI веке, затронуло лишь Западную Европу; оно не коснулось православной Руси, хотя последняя в XVI веке гордо назвала себя «Третьим Римом», подчеркивая тем самым особую связь между культурой и государственностью Руси и Византии¹².

С началом возрождения римского права западные юристы были удивлены и даже ошеломлены тем объемом нормативного материала (около двух тысяч страниц), который был накоплен римлянами за прошедшие столетия. Отталкиваясь от этого факта, обладатели новообретенного юридического знания стали видеть в создаваемых ими государственных формах наследие ушедшей империи – именно так санкционировалась такое политическое образование, как «Священная Римская империя». Работа западноевропейских глоссаторов – то есть юристов, комментировавших римское право, – заключалась в упорядочении его норм в плане грамматического и терминологического единообразия, чуждого праву разрозненных на-

11 Подробнее см.: BARTLETT R. *The Making of Europe*. London: Allen Lane; Penguin Press, 1993. P. 292 ff.

12 STERNBERG M. *A History of Russia*. New York: Oxford University Press, 2011. P. 119.

родов, населявших тогда Западную Европу¹³. Фундаментальным следствием возрождения римского права стало появление канонического права, которое некоторые исследователи называют первой современной правовой системой¹⁴. Важнейший вклад в это дело внес ученый и монах Грациан. Именно он взял на себя труд обобщить и систематизировать весь известный на тот момент массив римского права, представив итоги своей работы в так называемом «Декрете Грациана» – «*Concordia discordantium canonum*», – впервые изданном около 1140 года. Грациан собрал юридические тексты, обнаруженные в решениях церковных соборов, папских письмах, сочинениях отцов церкви, Библии и множестве светских источников¹⁵. Под «канонами», упомянутыми в латинском названии его труда, имелись в виду те правила, которым была готова следовать церковь Христова. Очень скоро нормы «Декрета» стали стандартом, на который ориентировалась вся Европа, хотя церковные власти так и не признали их официально.

Возрождение римского права в Западной Европе – типичный пример того, что Вебер и многие другие ученые называли рационализацией, то есть процессом, в ходе которого правовые нормы и процедуры становились более согласованными, последовательными и логичными. Ни в исламском мире, ни в России не нашлось своего Грациана, который подвел бы под установления их правовых систем новую рациональную основу¹⁶.

К 1200 году европейские правоведы уже представляли собой класс образованных специалистов; они занимались углубленным изучением римского права, его адаптацией к современным нуждам, систематизацией накопленного материала – и трансформацией всего этого в новую *юридическую науку*, которую начинали преподавать в университетах. Первым академическим центром изучения юриспруденции стал Болонский

ТОБИ ХАФФ

ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ
В СРАВНЕНИИ...

- 13** WIEACKER F. *A History of Private Law in Europe with Particular Reference to Germany*. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 28–70.
- 14** BERMAN H.J. *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*. Cambridge: Harvard University Press, 1983. P. 204 ff (рус. перев.: БЕРМАН Г. *Западная традиция права: эпоха формирования*. М.: Издательство МГУ, 1998. – *Примеч. ред.*). Подробнее о каноническом праве см.: SCHIAVONE A. *The Invention of Law in the West*. Cambridge: Harvard University Press, 2012; BRUNDAGE J. *The Medieval Origins of the Legal Profession: Canonists, Civilians, and Courts*. Chicago: University of Chicago Press, 2008; IDEM. *The Teaching and Study of Canon Law in the Law Schools* // PENNINGTON K., HARTMANN W. (Eds.). *History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234: From Gratian to the Decretals of Pope Gregory XI*. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2008. P. 98–120; HOEFLICH M., GRABLER J.M. *The Establishment of Normative Legal Texts: The Beginning of the Ius Commune* // PENNINGTON K., HARTMANN W. (Eds.). *Op. cit.* P. 1–21; RADDING C. *Legal Science 1000–1200: The Invention of a Discipline* // *Rivista di storia del diritto italiano*. 1990. Vol. 63. P. 409–432; LANDAU P. *The Origins of Civil Procedure* // BLUMENTHAL U.-T. (Ed.). *Canon Law, Religion, and Politics*. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2012. P. 136–143.
- 15** BERMAN H.J. *Law and Revolution...* P. 143 ff; CHRISTENSEN K. *Introduction* // *Gratian. The Treatises on Laws (Decretum DD 1–30), with the Ordinary Glosses*. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 1992.
- 16** HAMMER D.P. *Op. cit.*; FELDBRUGGE F. *Law in Medieval of Russian Law*; WORTMAN R.S. *Op. cit.*

университет. Здешних юристов называли «цивиристами»: объяснялось это тем, что знания, которыми они владели, были применимы к рутинным вопросам социальной и экономической жизни, находящимся вне юрисдикции церкви. Кроме того, именно в Болонье впервые сложилось сообщество ученых и студентов, большинство из которых приехали в университет из других итальянских городов или вовсе из-за границы. Это было особенное сообщество: оно могло позволить себе без промедления сняться с места и перебраться в какой-нибудь другой город, где социальные, юридические или экономические условия были более благоприятными¹⁷. Подобные сообщества ученых, которые, не обременяя себя связями с епархией или приходом, были легки на подъем, сделали прообразами современных университетов.

Все описанные нововведения привели к возникновению в Европе новой юридической науки, основанной на текстах первоисточниках. Этот свод знаний, впоследствии получивший название «общее право» (*ius commune*), постепенно распространялся с европейского юга на европейский север, включая Германию, Великобританию и Скандинавию – но исключая Русь¹⁸. Более того, студенты-юристы теперь вынуждены были изучать как гражданское, так и каноническое право, поскольку церковные суды существовали в Европе повсеместно, а знатоков гражданского права могли привлекать к процессам, рассматриваемым в таких судах. Приблизительно в то же время юриспруденция превращается в профессию: в Европе деятельность адвокатов начинают регулировать профессиональные корпорации¹⁹. Следует подчеркнуть, что в исламском мире, Китае и России университетов на тот момент еще не было²⁰.

Стоит отметить, что, невзирая на разнообразие этнических и религиозных групп, населявших Западную Европу, ученые-

17 Подробнее о ранней истории Болонского университета см.: HYDE J.K. *Commune, University, and Society in Early Medieval Bologna* // BALDWIN J.W., GOLDWAITHE R. (Eds.). *Universities in Politics: Case Studies from the Late Middle Ages and Early Modern Period*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1972. P. 17–46; HASTINGS R. *The Universities of Europe in the Middle Ages*. Oxford: Clarendon Press, 1936.

18 HAMMER D.P. *Op. cit.*; FELDBRUGGE F. *A History of Russian Law...*; AVENARIUS M. *Die Rezeption des römischen Rechts in Russland: Dmitrij Mejer, Nikolaj Djuvernua und Iosif Pokrovskij*. Göttingen: Wallstein, 2004 (рус. пер.: АВЕНАРИУС М. *Римское право в России*. СПб.: Academia, 2008. – *Примеч. ред.*).

19 См.: BRUNDAGE C. *Op. cit.*

20 Некоторые считают, что в исламском мире были свои аналоги университетов, а именно, школы-медресе. Такое сравнение не корректно, поскольку, в отличие от европейских университетов, в этих заведениях отсутствовала интеллектуальная свобода. Преподавание в рамках каждой из четырех канонических правовых школ – их составляли ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский мазхабы – велось автономно, вне единой правовой системы. Римские и впоследствии европейские юристы, наоборот, целенаправленно пытались смешивать римское право с нормами действующего светского и религиозного законодательства, а также с местными обычаями, признавая при этом существование *естественного закона*, умопостижимого каждым разумным человеком – и во многом определившего юридическое мышление европейских правоведов. Исламские и китайские правоведы в свою очередь отвергали концепцию естественного права.

правоведы того времени преуспели в генерировании правовой основы и юридической культуры, которые в единстве своем впоследствии показали себя фундаментальным социальным конструктом, созданным буквально на века – несмотря на всю вариативность этнической и религиозной среды тех протогосударств, где происходила рецепция. Во времена Реформации ее сторонники, желавшие правовым образом обосновать новые религиозно окрашенные политические и социальные нормы, опирались именно на этот монолит²¹.

Таким образом, перед нами открываются *два основных элемента* революции, преобразовавшей европейское Средневековье: во-первых, это становление юриспруденции как науки, преподавание которой велось в автономных и мобильных школах, а затем в университетах; во-вторых, это появление нового сословия профессиональных юристов, обученных преподавать право и применять его в церковных и светских судах. Формируемая система права создавала основу для новой европейской цивилизации, а юристы обеспечивали функционирование этой основы.

Но наряду с этим имелся еще и *третий элемент* трансформации – структурные изменения. За ними стоял политико-правовой принцип восприятия коллективных акторов в качестве единого целого – как корпораций (на средневековой латыни этот феномен обозначали словом *universitas*, но были и другие термины). Появление корпораций, без сомнения, оказалось революционным сдвигом, поскольку правовая теория, обосновавшая их существование, санкционировала целый ряд новаторских институций, в том числе и властных, уникальных для европейского континента. Резонанс самого кардинального изменения – юридического переосмысления личности и появление искусственных или фиктивных персон, признаваемых правом, – сквозь столетия дошел до наших дней²².

Одной этой правовой инновации было уже достаточно, чтобы в Европе появилось городское самоуправление, начали развиваться университеты и научная мысль, возникли благотворительные организации и профессиональные ассоциации. Кстаги, та же реформа обусловила становление конституционализма и парламентской демократии, невозможных при отсутствии легитимных и автономных управленческих органов.

В сфере корпоративного управления новая правовая теория стимулировала утверждение принципа *выборного представи-*

ТОБИ ХАФФ

ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ
В СРАВНЕНИИ...

21 BERMAN H.J. *Law and Revolution – II: The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition*. Cambridge: Harvard University Press, 2003. P. 31 ff; OZMENT S. *Protestants: The Birth of Revolution*. New York: Doubleday, 1993. P. 87–148.

22 WINKLER A. *We the Corporations: How American Businesses Won Their Civil Rights*. New York: Liveright Publishing Company, 2018. P. 19–20.

тельства, согласно которому руководство корпоративными структурами должно подчиняться максиме римского права – «что касается всех, должно быть одобрено всеми»²³. Та же максима стала провозвестницей и идеи политического представительства – одной из основ демократического порядка. Идея волеизъявления посредством голосования сделалась базовым правилом функционирования всех коллективных субъектов коммерческих отношений – и прежде всего корпораций, включая недавно учрежденные акционерные общества: английскую Ост-Индскую компанию (1600) и голландскую Ост-Индскую компанию (1602). Корабли этих компаний постоянно курсировали между Европой и колониями Нового Света, которые со временем превратятся в Соединенные Штаты Америки. Это государство станет прямым бенефициаром упомянутых выше правовых новаций, из которых произросли самоуправление, выборное представительство и конституционные хартии²⁴. По своей юридической природе корпоративные компании радикально отличались от традиционных объединений, члены которых были связаны с их предводителями узами личной лояльности; в таких союзах господствовали патриархальные нормы, не сочетавшиеся с верховенством права.

Образующиеся юридические субъекты интерпретировались как коллективные личности, за которыми признавались все новоявленные права, включая право собственности, право отстаивания своих интересов в судебном порядке (в качестве истца или ответчика), право регламентировать свою внутреннюю деятельность, то есть заниматься правотворчеством. Корпорации могли также привлекать адвокатов для представления их интересов в судах, рассматривавших споры относительно налогообложения²⁵. Появление подобных правовых конструкций теоретически и практически свидетельствовало о начале новой эры в правовой культуре Европы. Будучи уникальными, подобные идеи и структуры прокладывали для европейцев дорогу к модерну. За пределами Европы ничего подобного не происходило.

Таким образом, та же правовая теория, которая сделала возможным появление корпораций и корпоративного управления, создала задел и для таких политических идей, как конституционное правление, согласованное принятие решений, политическое и юридическое представительство, автономная

23 См.: BERMAN H.J. *Law and Revolution...* P. 221; POST G. *Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State, 1100–1322*. Princeton University Press, 1964. P. 51 ff.

24 WINKLER A. *Op. cit.*; INNES S. *Creating the Commonwealth: The Economic Culture of the Puritans*. New York: W.W. Norton, 1995; IDEM. *From Corporation to Commonwealth //* BEATTY J. (Ed.). *Colossus: How the Corporation Changed America*. New York: Broadway Books, 2001. P. 18–22; KUPERMAN K. *The Jamestown Project*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. P. 287 ff.

25 См.: POST G. *Op. cit.*; BERMAN H.J. *Law and Revolution...* P. 214–221.

регламентация внутренней деятельности общности. Хотя мы привыкли ассоциировать корпорации с частноправовой сферой и коммерцией, на деле произведенная ими трансформация сферы *публичного права* преобразила политическую, конституционную и экономическую жизнь. Именно с появлением корпораций связано оформление основ парламентской демократии и автономии субъектов экономической деятельности. С их вхождением в общественную жизнь по всей Европе начали появляться парламентские учреждения: сначала, в 1188 году – в Испании, а вслед за ней и по всему континенту, включая Португалию, Сицилию и юг Франции. В 1298 году был образован Парижский парламент, а в 1302-м – французские Генеральные Штаты²⁶. Становление конституционных режимов, признававших за гражданами право голоса, протекало тяжело, однако в Средние века этот процесс охватил всю Европу, достигнув кульминации к XVI–XVII столетиям в новаторских политических теориях шотландских, голландских, французских и английских мыслителей. Ни одна другая революция, за исключением, наверное, научного переворота Нового времени и Реформации, не генерировала в мировой истории столь великого множества социальных и политических новшеств как правовая революция европейского Средневековья. Новые конструкции, возникшие в правовой мысли, подготовили почву для двух последующих революций – научной и экономической. Итогом же всех этих процессов стал колоссальный прорыв в политическом и экономическом развитии Нового Света.

ТОБИ ХАФФ
ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ
В СРАВНЕНИИ...

Хотя мы привыкли ассоциировать корпорации с частноправовой сферой и коммерцией, на деле произведенная ими трансформация сферы *публичного права* преобразила политическую, конституционную и экономическую жизнь.

Четвертым нововведением того же времени, повлекшим за собой существенные последствия, было создание новых принципов *надлежащей правовой процедуры*. К этому делу приложили руку как цивилисты, так и знатоки канонического права. Указанные принципы действовали в отношении любых лиц, принимавших участие в судопроизводстве. Уже к концу XII столетия новая система получила формальное закрепление

26 Подробнее см.: LUITEN ZANDEN J. VAN, BURINGH E., BOSKER M. *The Rise and Decline of European Parliaments, 1189–1789* // *The Economic History Review*. 2012. Vol. 65. № 3. P. 835–861; STRAYER J. *On the Medieval Origins of the Modern State*. Princeton: Princeton University Press, 1970; SAYLES G.O. *The Functions of the Medieval Parliament in England*. London: Hambledon Press, 1988.

в виде *ordo iudiciarius* (системы процессуальных норм, применимых при рассмотрении дела в суде)²⁷. В соответствии с доктриной, контуры которой намечались в судебных решениях и папских декретах, в любом процессе надлежало участвовать истцу и ответчику, адвокатам обеих сторон, свидетелям, судебным секретарям, которые вели протокол заседания, прокторам и нотариусам, удостоверявшим личность участников процесса, а также следившим за приобщением письменных свидетельств и достоверной фиксацией устных показаний. Более того, судебные слушания предполагались публичными, а представленные доказательства доступными для изучения; решение следовало зачитывать вслух всем присутствующим в зале суда²⁸.

В исламском, китайском или российском праве на тот момент аналогичные процедурные правила отсутствовали; они долго не появлялись и в более поздние времена²⁹. В ряду наиболее броских отличий можно упомянуть, например, то, что ни одна из затронутых правовых систем не предполагала наличия у обвиняемых профессиональных адвокатов, защищавших их интересы. Так, профессиональные юристы появились в залах заседаний российских судов лишь в середине XIX столетия, после учреждения университетов и Училища правоведения (в 1840-е годы). Даже после преобразований 1864 года слушания остались непубличными, участники обязывались сохранять тайну судебного заседания, а на юридическое сословие продолжали смотреть с подозрением и недоверием³⁰. Судьями чаще всего становились отставные военные или дворяне; высокопоставленные чиновники могли отменять судебные решения в административном порядке.

Вдобавок ко всему сказанному к XIII веку в Западной Европе в процессуальные регламенты вошли право обвиняемого знать о содержании выдвинутого против него обвинения, право предстать перед судом и давать показания, а также право иметь своего представителя в процессе. К 1200 году представление о том, что каждый, кому надлежит предстать перед судьей, имеет право обратиться за помощью к профессиональному юристу, стало общераспространенным – более того, именно

- 27** См.: FOWLER-MAGERL L. *Ordo iudiciorum vel ordo iudiciarius. Begriff und Litteraturgattung*. Frankfurt am Main: Klostermann, 1984; PENNINGTON K. *The Prince and the Law, 1200–1600: Sovereignty and Rights in the Western Legal Tradition*. Berkeley: University of California Press, 1993; BRUNDAGE J. *The Teaching and Study of Canon Law in the Law Schools*; HARTMANN W., PENNINGTON K. (Eds.). *The History of Courts and Procedure in Medieval Canon Law*. Washington, D.C: The Catholic University of America Press, 2016.
- 28** См.: BRUNDAGE J. *The Teaching and Study of Canon Law in the Law Schools*; PENNINGTON K. *Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo iudicarius* // *Rivista internazionale di diritto commune*. 1998. Vol. 9. P. 9–47.
- 29** Подробнее см.: HUFF T. *The Rise of Early Modern Science...* Ch. 3, 4, 7.
- 30** WORTMAN R.S. *Op. cit.* Ch. 8, 9.

так и рекомендовалось поступать. Как писал в 1169 году неизвестный автор: «Если кто-то опрометчиво решит, что ему по силам защищать себя в суде самому, и, не имея в том опыта, откажется от поисков адвоката, то быть по сему: каждый волен поставить крест на своем деле»³¹. К началу Нового времени в европейских судах применялся единый стандарт рассмотрения дел – тот самый, который начали формализовать еще в конце XII века³².

ТОБИ ХАФФ
ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ
В СРАВНЕНИИ...

Ни одна другая революция, за исключением, наверное, научного переворота Нового времени и Реформации, не генерировала в мировой истории столь великого множества социальных и политических новшеств как правовая революция европейского Средневековья.

Наконец, *в-пятых*, результатом интересующих нас преобразований стала выработка дополнительных принципов права, которые распространили свое действие на государей и папу, сделав их подотчетными закону. Знаковым в истории становления указанных принципов стало дело короля Генриха Люксембургского и принца Роберта Неаполитанского. В 1311 году Генрих обошел в борьбе за престол Священной Римской империи Роберта, после чего первый обвинил последнего в предательстве и изгнал его из империи. Папа Климент V не согласился с таким решением и выступил посредником в урегулировании спора³³. К счастью или к несчастью, Генрих умер в 1313 году, так и не успев избавиться от Роберта. Несмотря на это, папа все же представил юридическое заключение, которое впредь ограничивало подобные бесцеремонные нападки на соперника. Лучшие правоведы, которым папа поручил подготовку заключения, сошлись в том, что самозащита, как физическая, так и юридическая, – это *право*, обеспеченное *естественным законом* и потому неотчуждаемое. Отсюда следовало, что решение, принятое Генрихом в отношении Роберта, было необоснованным и подлежало отмене. Впоследствии Климент V издал еще несколько актов, закреплявших содержание надлежащей правовой процедуры и налагавших запрет на ее ограничение. В последнем из них – каноне «*Saere contingit*» – он установил принципы, которым обязаны были следовать все государи.

31 BRUNDAGE J. *The Teaching and Study of Canon Law in the Law Schools*. P. 152.

32 Участие представителей обвиняемых в уголовном процессе сделалось всеобщей практикой лишь в XVII столетии. См.: LANGBEIN J. H. *The Origins of Adversary Criminal Trial*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

33 Подробное изложение этого дела см.: PENNINGTON K. *Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo iudicarius*; ИДЕМ. *The Prince and the Law: 1200–1600...*

Сегодняшние правоведы соглашаются с тем, что именно этот документ, обнародованный в начале XIV века, стал «самой важной средневековой вехой в эволюции процессуального права»³⁴. Примечательно здесь то, что европейское право отныне предлагало четкий набор процессуальных средств, которые не только обеспечивали надлежащую правовую процедуру, но и ограничивали произвол религиозных и светских властителей.

Подчиненность самого папы естественному праву и вытекающий из нее запрет нарушать право обвиняемого на самозащиту были закреплены в ходе печально известного флорентийского дела семьи Пацци, которая злоумышляла против семейства Медичи. В ходе этой истории папа Сикст IV, осудивший Лоренцо Медичи без какой-либо судебной процедуры, вынужден был отступить, раз и навсегда признав: как Господь призвал Адама на свой суд, так «папа и государь не могут не призвать ответчика с соблюдением установленной судебной процедуры, не нарушив тем самым Божьего закона»³⁵. Иными словами, ранее выработанные принципы, которые ограничивали волю государей, действовали и в отношении римского понтифика. Ни он, ни государь не могли выносить решение по делу без суда. Этот пример вновь подтверждает уникальность вклада Европы в развитие права – в частности, в становление идеи *правовых ограничений* власти высших должностных лиц. Не будем забывать и о том, как английские бароны вынудили короля Иоанна подписать в 1215 году Великую хартию вольностей, которая ограничивала права суверена и обязывала рассматривать правовые споры при участии жюри. Исламскому праву, равно как и праву Китая или России, подобные правила были чужды. Правители России оставались автократами вплоть до начала XX века³⁶. Европейцы же, напротив, неуклонно двигались вперед, укрепляя правовую культуру и создавая подпадающие ей институты. Стоит повторить, что начало этому процессу было положено в светских и церковных судах Западной Европы.

34 KUTTNER S. *The Date of the Constitution Saepae, the Vatican Manuscripts, and the Roman Edition of the Clementines* // ИДЕМ. *Medieval Councils, Decretals, and Collections of Canon Law: Selected Essays*. London: Routledge, 1980. P. 427. С юридической точки зрения «Saepae contingit» регулировал вопросы суммарного (упрощенного) судопроизводства – то есть процедуры, к которой прибегали в особых обстоятельствах, сопряженных, например, с угрозой применения насилия к одной из сторон процесса или причинения вреда неопределенному кругу лиц.

35 Заключение одного из видных правоведов XV века цит. по: PENNINGTON K. *The Prince and the Law, 1200–1600...* P. 188; см. также: MARTINES L. *April Blood: Florence and the Plot against the Medici*. Oxford: Oxford University Press, 2003. Упомянутый эпизод имел место в 1478 году, получив название «заговора Пацци». В апреле этого года представители богатейшей семьи флорентийских банкиров попытались убить членов семьи Медичи на воскресном богослужении. От рук заговорщиков погиб младший из братьев Медичи, но старший брат и глава семьи Лоренцо Великолепный сумели скрыться и объявили войну своим врагам, в том числе и папе. После того, как сторонники Лоренцо схватили и повесили архиепископа Сальвиати, одного из участников заговора Пацци, папа Сикст IV отлучил Лоренцо Медичи от церкви и заочно вынес ему приговор – несмотря на то, что тот настаивал на собственной непричастности к гибели клирика.

36 WORTMAN R.S. *Op. cit.* P. 288 f.

ЗАВЕРШАЮЩИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВЫВОДЫ

ТОБИ ХАФФ
ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ
В СРАВНЕНИИ...

Таким образом, китайский, исламский, российский и европейский миры – носители разной правовой культуры.

К концу XII века в гражданских и церковных судах Европы сложилась четкая процессуальная основа рассмотрения всех дел: в процедуре должны были участвовать истец и ответчик, стороны могли обращаться за помощью к юридическим советникам-адвокатам, представление доказательств четко регламентировалось, свидетельские показания проверялись в ходе перекрестного допроса, клерки или нотариусы фиксировали представленные суду доказательства. С выработкой особого языка, на котором надлежало обращаться к суду, процесс сделался еще более формализованным, вследствие чего возникла необходимость участия в нем профессиональных юристов.

В иных правовых системах названные элементы либо вообще отсутствовали, либо почти не проявляли себя. В арабском мире не было эквивалента слову «адвокат», поскольку самой такой профессии не существовало³⁷. В разрешении споров полагалось руководствоваться учением пророка Мухаммеда, изложенным в Коране или хадисах. Разумеется, имелись определенные традиции, которым в таких ситуациях надлежало следовать, однако в конечном счете правила разрешения спора устанавливались по усмотрению тяжущихся сторон и вплоть до XVII столетия отсутствовали как календари рассмотрения дел, так и особые здания, целевым образом отводимые под суды.

Представитель ответчика, известный как хахим, не имел, как правило, каких-то специальных навыков. Он мог выступать в интересах заявителя или даже заменять его показания словами свидетеля. Иначе говоря, у хакима не было официального процессуального статуса. Ответчик запросто мог выйти из процесса и передать свое дело на рассмотрение ученому законнику (муфтию), который в свою очередь мог вступить в спор с судьей (кади) или даже посрамить его, предложив свое видение разрешения спора. О решении тяжущимся объявляли гласным образом, однако оно никак не фиксировалось.

Кроме того, исламское право не знало ни института юридической автономии, ни наделенных ею организаций. Соответственно, в поле его регулирования отсутствовали такие субъекты, как города, профессиональные объединения, коммерческие корпорации, парламенты и так далее. Из-за этого оно не обеспечивало основу для развития демократии, конституционализма и принципа совместного участия в решении вопросов, которые касаются всех. Несмотря на то, что многие

37 См.: JENNINGS R. *The Office of Vekil (Wakil) in the 17th Century Ottoman Courts* // *Studia Islamica*. 1995. Vol. 42. P. 147–169.

арабские страны в XIX–XX веках отказались от исламского права в пользу европейских моделей гражданского права, процесс ассимиляции систем все еще не завершен. В нынешние времена правительства мусульманских государств не раз отказывались от демократии в пользу автократии и диктатуры. Политолог Ахмет Куру в недавнем исследовании показал, что на большей части исламского мира сегодня торжествует авторитаризм, а «процесс демократизации потерпел неудачу»³⁸. В то время как в мире в целом демократическими считаются 60% стран, среди мусульманских государств к таковым относятся лишь 20%. В правовых системах ближневосточных государств нет ограничений, подобных тем, которые действовали в средневековой Европе; в результате многие здешние властители пребывают у власти бессрочно.

В арабском мире в конечном счете правила разрешения спора устанавливались по усмотрению тяжущихся сторон и вплоть до XVII столетия отсутствовали как календари рассмотрения дел, так и особые здания, целевым образом отводимые под суды.

В традиционном Китае также не было адвокатов. Право подавать прошения императору или магистрату существовало, однако суды в основном простаивали либо из-за перегруженности, либо из-за нерадения чиновников³⁹. Более того, существовавший в Китае свод правовых норм больше напоминал кодекс преступлений и наказаний, чем акт о правах. Магистраты принимали в расчет традиции, определявшие нормы семейного быта, но они делали это как последователи конфуцианства, а не как правоведа – праву как таковому в старом Китае не обучали. В известном деле эпохи Цин чиновник разбирал дело, ответчиком по которому был старший брат, обвиненный младшим братом в мошенничестве; разбирательство завершилось тем, что младшего брата взяли под стражу – за то, что он подал иск⁴⁰. Поскольку при династиях Мин и Цин правовое регулирование сделалось более формализованным, у сторон судебных процессов появилась возможность подавать прошения о восстановлении своих нарушенных прав, однако система не обязывала чиновников не только предпринимать что-либо

38 См.: KURU A. *Islam, Authoritarianism and Underdevelopment: A Global and Historical Comparison*. New York: Cambridge University Press, 2017.

39 См.: MACAULEY M. *Social Power and Legal Culture: Litigation Masters in Late Imperial China*. Stanford: Stanford University Press, 1998.

40 Ibid. P. 70–75.

в ответ, но даже знакомиться с этими бумагами. Как правило, судебские обязанности выполнялись администраторами округов или населенных пунктов; те принимали решения, действуя по своему усмотрению, но для вступления в силу их должны были одобрить вышестоящие чиновники⁴¹.

Последствия усеченной юридической автономии видны и в наши дни: достаточно упомянуть неудачные попытки китайских диссидентов создать оппозиционные партии, которые предпринимались в 1992-м, 1994-м и 1998 годах. В результате этих инициатив, на Западе представлявшихся обычным делом, «сотни инакомыслящих угодили в тюрьмы, где провели по десять лет и больше»⁴². Современные исследователи обращают внимание и на другие изъяны системы. Например, Рэндалл Пиренбум указывает, что «верховенство права невозможно при отсутствии независимой судебной власти, наделенной адекватной компетенцией и широким объемом полномочий, беспристрастной и честной; судебной машине Китая эти характеристики не присущи»⁴³. Право остается «инструментом контроля и принуждения в руках бюрократии»⁴⁴. Мао оставил Китай фактически без правовой системы, поэтому перед Дэн Сяопином и его преемниками стояла задача провести правовые преобразования, обучить новых судей, открыть юридические факультеты, где разрешалось преподавать даже иностранцам. Конституции Китайской Народной Республики 1999-го и 2004 года даже упоминали о правах человека, а в начале 2000-х в Китае действовало правозащитное движение («вэйцзюань») ⁴⁵. Западные наблюдатели тогда выражали надежду, что продуманное сочетание национального законодательства и правозащитных норм – например, ратификация китайским государством Международного пакта о гражданских и политических правах – сумеет обеспечить появление в Китае современной системы права, основанной на соблюдении гражданских прав. Но работу китайских судов по-прежнему определяли не судьи и не идея верховенства права, а «усмотрение партийного начальства»⁴⁶. К началу 2010-х от правозащитного движения почти ничего не осталось. В правление Си Цзиньпина юристы-правозащитники подвергаются гонениям, в ходе которых они бесследно исчезают, попадают в тюрьмы или под домашний арест, отправляются

ТОБИ ХАФФ

ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ
В СРАВНЕНИИ...

41 Подробнее см.: HUANG P.C. *Codified Law and Magisterial Adjudication in the Qing* // BERNHARDT K. (Ed.). *Civil Law in Qing and Republican China*. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 142–186. Даже в XXI веке полиция нередко чинит препятствия гражданам, желающим обратиться в суд.

42 См.: BIAO T. *Promoting Human Rights in China: The Costs and Risks of Fighting for Dignity and Freedom*. Institute for Advanced Study, 2017 (www.ias.edu/ideas/2017/biao-human-rights-china).

43 PEERENBOOM R. *China's Long March toward Rule of Law*. New York: Cambridge University Press, 2002. P. 280.

44 LUGMAN S.B. *Bird in a Cage: Legal Reform in China after Mao*. Stanford: Stanford University Press, 1999. Ch. 4.

45 Среди прочего см.: PILS E. *China's Human Rights Lawyers: Advocacy and Resistance*. London: Routledge, 2014.

46 PEERENBOOM R. *Op. cit.* Ch. 7.

в эмиграцию⁴⁷. Сегодня китайская автократия не принимает в расчет устоявшиеся международные стандарты надлежащей правовой процедуры, а многие исследователи считают Китай эталоном диктатуры и полицейского государства⁴⁸.

В России еще в Средние века сложился порядок, в соответствии с которым закон был не более чем бюрократическим инструментом в руках местных и региональных чиновников, которые не имели юридического образования и зачастую не могли даже получить в свое распоряжение бумажные копии тех законов, которые применяли. До 1860-х российские законы «вступали в силу без обнародования, их вводили в действие непубличным распоряжением, о котором знали лишь сами правоприменители»⁴⁹. В юристах же и судьях видели прохиндеев, желавших только одного – набить себе карман. Любого – например, канцеляриста, – кто пытался защищать интересы одной из сторон процесса, презирали; подготовленные адвокаты появились в стране только во второй половине XIX века. Лишь с этого времени в России начались попытки привить западные стандарты процессуального права.

Специалистами высказывалось мнение, что внедренная в ходе реформ Александра II «модернизация права не способствовала упорядочению дел в России; [...] право и законность оставались чужеродными элементами системы государственного управления, далеким от мыслей и страхов царя и его окружения». Более того, работа обновленной и независимой судебной системы не устраивала царизм, который «на рубеже XIX и XX столетий начал бороться с революционерами жестокими антиправовыми методами»⁵⁰. В дальнейшем чрезвычайные правовые режимы приняли на вооружение революционеры-большевики, обещавшие перейти к основанной на законе государственности лишь когда-нибудь в далеком будущем⁵¹. Что же касается их предшественников – российских царей, – то те до самого конца оставались автократами: в то время как их манеру править пытались иногда выставить просвещенной, на деле она была образцом самовластия и бесправия⁵². К несчастью, из-за большевистской революции 1917 года международные стандарты

47 Об этом свидетельствуют многочисленные источники, см., например: CASTER M. *The People's Republic of the Disappeared*. New York: Safeguard Defenders, 2019; PILS E. *Op. cit.*; STERN R.E. *Activist Lawyers in Post-Tiananmen China* // Law and Social Inquiry. 2017. Vol. 42. № 1. P. 234–251; JACOBS A., BUCKLEY C. *China's Targeting Rights Lawyers in a Crackdown* // The New York Times. 2017. July 22; PALMER A. *The Last Line of Defense* // The New York Times Magazine. 2017. July 30. P. 24–51.

48 См.: RINGER S. *The Perfect Dictatorship: China in the 21st Century*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2016; CAIN G. *The Perfect Police State: An Undercover Odyssey into China's Terrifying Surveillance Dystopia of the Future*. New York: Public Affairs, 2021.

49 PIPES R. *Op. cit.* P. 289.

50 WORTMAN R.S. *Op. cit.* P. 288.

51 PIPES R. *Op. cit.* Ch. 11.

52 WORTMAN R.S. *Op. cit.* P. 288–289.

правосудия вообще не имели шансов прижиться на российской почве. В марксистско-ленинской системе право было всего лишь инструментом контроля и наказания, а его содержание определялось волей правящего класса.

В начале XXI века международные правозащитные организации весьма низко оценивали состоятельность правовой системы России⁵³. Вопросы возникают в связи с правилами надлежущей судебной процедуры, политическими убийствами, внесудебными казнями и так далее. В некоторых кругах до сих пор бытуют монархические сантименты и убеждение в том, что Россия не может существовать без сильного авторитарного правителя. Представители истеблишмента выражают это предельно четко: «Нет Путина – нет России»⁵⁴. Подобная формулировка подразумевает, что на нынешнем историческом этапе президент обуславливает саму возможность существования государства, воплощает в себе власть и всю нацию⁵⁵. В этих словах слышен пугающий отголосок тех же представлений о роли самодержца, которые бытовали в России XIX века.

ТОБИ ХАФФ
ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ
В СРАВНЕНИИ...

* * *

Изучение четырех рассмотренных в этой статье правовых систем в рамках компаративного анализа показывает, что их сближение остается делом далекого будущего. Понимание, что политический и экономический прогресс заметно ускоряется с появлением режимов, безоговорочно придерживающихся надлежущей правовой процедуры и соблюдающих права человека, еще не устоялось. За пределами западного мира по-прежнему ощущается пагубная зависимость от предшествующего развития – она препятствует радикальному развороту к либерализму и модернизации права.

Перевод с английского Екатерины Захаровой

53 HUMAN RIGHTS WATCH. *World Report 2017* (www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/russia).

54 Это высказывание первого заместителя главы Администрации президента России Вячеслава Володина, прозвучавшее на встрече Валдайского клуба 22 октября 2014 года. См.: PROZOROVA Y. *Civilizational Analysis, Political Discourse and Reception of the Western Modernity in Post-Soviet Russia* // *Comparative Civilizations Review*. 2017. № 77. P. 58–76.

55 Ibid.